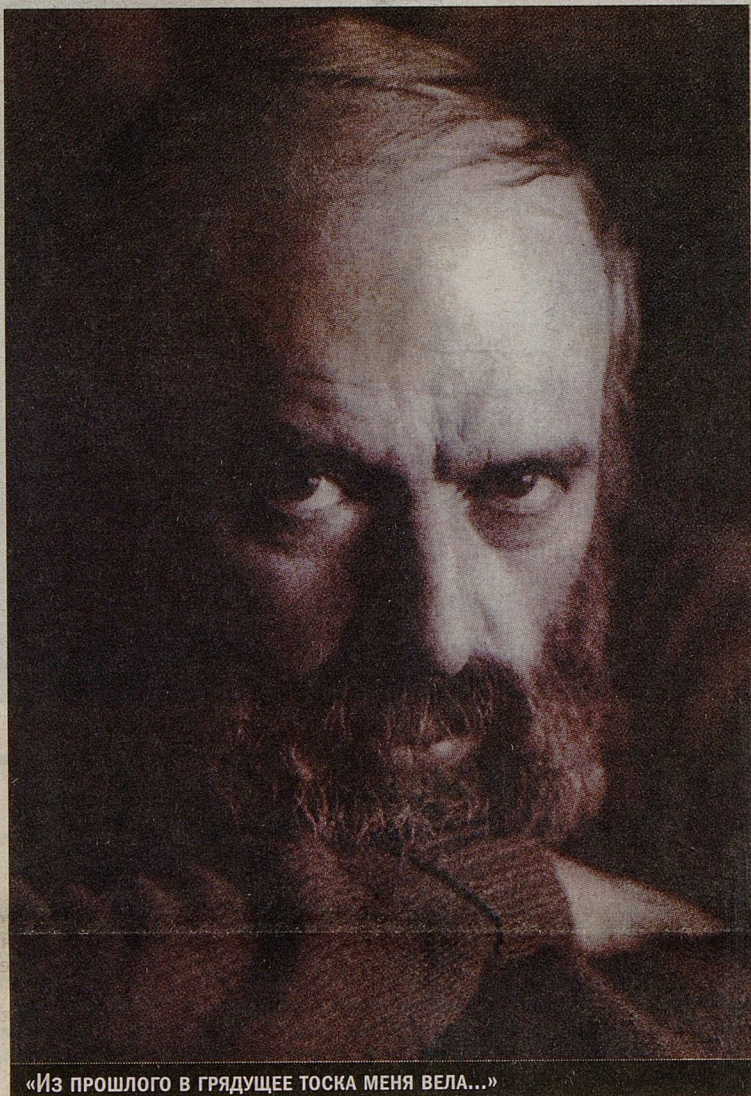

Инакопишущий

СУДЬБА

Юрий АРПИШКИН

В издательстве «Хронограф» вышло двухтомное собрание произведений Владимира Корнилова (1928-2002). Сочинения русских писателей-шестидесятников в сознании читателей представляют собой некий особый жанр. Это безусловно обывательское и безответственное суждение — само непреложный факт истории литературы. Все твердо знает чего ждать от писателя этого поколения. Сложился незыблемый образ текста. Поэтому особенно ценным кажется всякое явление, этот образ если и не разрушающее, то изменяющее его. Таковым является проза и поэзия Владимира Корнилова. Корнилов, один из столпов советского шестидесятничества, оплативший судьбой все его этические стереотипы и житейские предрассудки, остается фигурой интригующей и, кажется, непонятой. Он говорил слишком прямо и недвусмысленно, чтобы быть услышанным. Своей литературной практикой Корнилов подтвердил известное умозаключение Пастернака о «ереси простоты» и о том, что «сложное понятней» читателям. Его рифмованный, «урегулированный» стих на самом деле до вызова не соответствует бытующим представлениям о нормах и традициях. Ахматова говорила: «Он берет все в лоб, обычно это худо, а ему удается». Здесь и спрятан интригующий полемизм эстетики Корнилова. Внешне — почти грубая сермяга, антиформализм и гражданское клекотание. За фасадом — изощренная звукопись, тонкость суждений, сложная литературная игра. Он совмещал в своих текстах подчеркнуто нейтральную, привычную форму высказывания и пыл революционного авангардиста. В своем роде еретическим, последовательно не хрестоматийным было и восприятие Корниловым русской литературы. Особенно ясно это проявилось в стихах о поэтах, составляющих неформальный, но отчетливый цикл. «С маятью сердце не справлялось, // Но попеременно утешал // Тютчева и Лермонтова хаос, // Баратынского холодный жар». Замечательно, что здесь Корнилов наследует историко-литературный пафос не только душевно близкого Мандельштама, но и, скорее всего, бесконечно далекого Игоря Северянина с его «Медальонами» — афористическими литературными портретами в стихах. Лучшие стихи Корнилова продиктованы горячим чувством несогласия. Не случайно его утешал именно «хаос», пусть и самый что ни на есть поэтизированный. Вообще про Корнилова можно сказать, что он сторонился гармонии. Его творчество как нельзя более связано с ходом дней и материальными чертами действительности. Но оно бесконечно далеко от бытописательства. Скорее, наоборот, оно трансформирует действительность в острые символы. Только очень своеобразные, имеющие конкретные, почти осязаемые приметы. Владимир Корнилов воплощал и в жизни, и в литературе образ и опыт человека переломной, неустоявшейся и меняющейся эпохи. Его личное открытие состоит в том, что именно в такие годы от человека и писателя требуется наибольшая ответственность по отношению к истории и современности.

«Из прошлого в грядущее тоска меня вела...»

Владимир КОРНИЛОВ о СЕБЕ:

«В моем характере главное — недовольство собой, которое мне, видимо, очень мешает. Себя надо хоть немного любить, чтобы находиться в гармонии. Моя негармоничность происходит от критического отношения к себе. У меня может вызывать слезы умиления и восторга все что угодно — город, пейзаж, событие, но умиленного трепета по отношению к своей жизни я не испытывал никогда. Мне больше подходит пушкинское «с отвращением читая жизнь свою». Вся эта строфа обо мне. Кроме, впрочем, последней строчки: «и строк печальных не смываю». А я хотел бы смыть печальные строки!»

О Владимире Корнилове рассказывает его вдова Лариса БЕСПАЛОВА.

— Имя Владимира Николаевича Корнилова неизменно упоминается в реестрах советских диссидентов. Как он сам относился к этому в новейшие времена?

— Он считал, что эта деятельность очень мешает его литературной работе. И даже писал, что спорить надо было с чередой эпох, а все силы уходили на борьбу со временем. Но сейчас, когда я перечитывала двухтомник В., мне показалось, что все-таки его усилия не замыкались на локальной борьбе с конкретными обстоятельствами. Когда говорили, что он «гражданский поэт», это его сердило. Независимо от того, в положительном или отрицательном смысле это понятие к нему применялось. Он считал себя прежде всего лириком. И его лирический герой — это человек, который в любом времени чувствовал бы себя лишним. Уже после смерти В. я прочла в одном из его писем, что он называл себя «правозащитник одинокого человека».

— После кончины СССР он, сколько я понимаю, с общественной деятельностью покончил.

— Когда началась перестройка и стало возможно публично выражать свою позицию, мы ходили на митинги. Но оставались среди

смотрящих и слушающих. А выступали с трибуны часто люди, которые были вполне уютно устроены в советской системе. Владимир Николаевич относился к этому спокойно, иронически.

Еще он, например, часто бывал у Андрея Дмитриевича Сахарова в те годы, когда это не было особенно популярным. Очень его любил и считал эталонным образцом русского интеллигента. Но когда Андрей Дмитриевич вернулся из ссылки, В. ни разу к нему не пришел. При том, что Сахаров иногда звонил и приглашал. Я его спрашивала: почему? На что он отвечал: «Я там сейчас не нужен. Там теперь другие люди». И действительно, там уже были другие люди, некоторые из них раньше там не появлялись. Но даже из старых знакомых это были, что называется, общественные деятели, люди общественно озабоченные. В. Н. тоже в определенном отношении был общественно озабочен. То есть он постоянно думал об этих проблемах, они его напряженно интересовали. Но профессиональная общественная деятельность была ему чужда. У него, впрочем, был один небольшой опыт этого рода. В начале перестройки организовалось писательское движение «Апрель». Им нужны, видимо, были люди с соответствующим жизненным опытом, и В.Н. ввели в какой-то совет или президиум этой орга-

низации. Для начала он увидел свою подпись под неким очень агрессивным меморандумом, который совершенно не хотел подписывать. Потом он увидел, что в тот же президиум избран некто Александр Рекемчук. Литератор, прославившийся, в частности, своим участием в репрессивных акциях по отношению к диссидентам, один из тех, кто исключал из Союза писателей Чуковскую, Галича, Войновича и самого Корнилова. Но писателей эти хорошо известные им факты не смутили, Рекемчук занял место среди борцов за демократические реформы. А Корнилов ушел и больше ни к каким общественным мероприятиям не приближался. И более того, этот, может быть, незначительный факт — избрание Рекемчука — стал для нас знаковым. Он обозначил тщетность интеллигентских надежд. Это было тем более болезненным, поскольку для В. всегда было важно это понятие — «русская интеллигенция». В 1969 году замечатель-

ли не родившиеся уже после перестройки. А Корнилов не попал. Это для него вполне типично.

В марте 1977 года В.Н. исключили из Союза писателей. Однажды на пороге нашей квартиры появился милиционер, стал расспрашивать, где В.Н. работает, где числится. Я от растерянности ответила: «В Пэн-клубе». Он опешил и ушел. Но потом они повадились ходить довольно часто, вызывали В.Н. в отделение. И теперь уже можно сказать, что это было довольно занятно. Они говорили: у нас к вам претензий нет, вы не хулиганите, не дебоширите, но на нас давят, и почему бы вам не уехать: «Все люди вашей судьбы уезжают». Но в отличие от очень многих людей Владимир Николаевич никогда не хотел уехать. И я не хотела. Тогда многие искренне думали, что их обманывают насчет капитализма и западного образа жизни. Но у нас было совершенно определенное мнение, что нам там делать нечего. Проблемы от-

ДОСЬЕ

Лариса Георгиевна Беспалова, филолог, переводчик английской и французской художественной литературы (А. Моруа, И. Во, К. Портер, С. Бенкет, Дж. Оруэлл, А. Кристи), редактор, работала в редакции журнала «Новый мир».

ЛАРИСА БЕСПАЛОВА

ный художник Меер Аксельрод в Коктебеле написал портрет Корнилова, я на него посмотрела и сказала: «Вы написали прямо-таки Христа». Он ответил: «Нет. Я написал русского интеллигента».

— А как складывалась его правозащитная биография?

— В общем, традиционно. Им КГБ интересовался с конца 50-х годов. С тех пор, как в самиздате появились некоторые его вещи: поэма «За полночь» о смерти Сталина, «Послезавтра Пасха» — о событиях в Новочеркасске 1962 года. Кстати, любопытная современная подробность. Есть такой массивный том — антология самиздатовской литературы, которую составлял Генрих Сапгир. Туда попали даже совсем молодые люди, чуть

езда тогда, понятное дело, очень живо обсуждались повсюду, и мне запомнилось высказывание Григория Померанца: «Я не уеду, потому что здесь я во плоти истории». На мой вкус, сказано несколько пышно, но — по сути — я с этим согласна. Мы всегда помнили, что «вечно жалок мне изгнанник...». Еще один мотив, может быть, и не столь серьезный, но для В.Н. существенный. Бытовало такое суждение, что диссиденты — это те люди, которые стремятся уехать и под отъезд шумят и качают права. В.Н. своим частным случаем не хотел подтверждать это мнение. Он просто болезненно относился к чистоте репутации и многим готов был ради нее пожертвовать.